

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

Ч. К. Лажмаа

Политическая культура Тувы

Электронный ресурс

URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Lamajaa_2008_4.pdf

URL: <http://www.civisbook.ru>

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА ТУВЫ

Ч.К. Ламажаа (Даргын-оол)

В мае 2007 г. Государственная Дума наделила губернаторов правом досрочно распускать региональные законодательные собрания в случае, если они на протяжении трех месяцев не могут наладить свою работу. Поводом к разработке и внесению соответствующих поправок в Федеральный закон "Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации" послужила, в частности, ситуация в Республике Тыва (Тува).

После парламентских выборов 2006 г. Законодательная палата регионального парламента - Великого Хурала - в течение полугода не могла приступить к работе из-за разногласий между партиями-победителями — местными отделениями "Единой России" и Российской партии жизни. Спор развернулся вокруг решения городской избирательной комиссии Кызыла о признании недействительными итогов выборов в нескольких одномандатных округах, где победу одержали кандидаты от РПЖ. С октября 2006 по март 2007 г. организационная сессия Законодательной палаты неоднократно срывалась из-за неявки депутатов от РПЖ, бойкотировавших заседания в знак протеста против этого решения.

48 До сих пор ситуацию в Туве анализировали, главным образом, журналисты, политтехнологи, эксперты по региональной проблематике. Предметом анализа являлись личности политиков, их связи с олигархами, взаимоотношения политических группировок между собой и с федеральным центром. Однако вопросы этнокультурной идентичности и политической культуры коренных жителей республики — тувинцев (77% населения Тувы), оказывающие несомненное влияние на политическую жизнь региона, практически оставались вне поля зрения исследователей. С конца 1990-х годов отдельные аспекты проблемы стали рассматриваться преимущественно тувинскими учеными в рамках исследований этнополитической истории республики [см., например, Абаев 2006; Анайбан и др. 1999; Кужугет 2006; Монгуш 2005; Моллеров 2005; Москаленко 2004; Ондар 2001; Фельдман 1998; Хомушку 1998].

В настоящей статье мы попытаемся дать характеристику традиционной политической культуры Тувы, соотнеся ее с проблематикой региональной идентичности. Под *традиционной политической культурой* мы понимаем сложившуюся образом систему отношений по поводу власти и управления, регулируемую посредством традиции [Бочаров 2007: 5], под *региональной идентичностью* — более широкий набор интериоризированных представлений, идей, черт, норм и форм поведения в определенной культуре [Губогло 2003: 29]. основополагающим принципом этнической идентичности, как отмечает М.Губогло, является оппозиция двух категорий — "мы" и "они" [там же: 198].

ЛАМАЖАА (ДАРГЫН-ООЛ) 4ими та Кудер-ооловна — кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института гуманитарных исследований Московского гуманитарного университета.

Соответственно, характеристика политической культуры будет полнее, если начать ее рассмотрение с проблем идентичности.

Формирование тувинской идентичности проходило под влиянием целого ряда факторов, в первую очередь географического и природного. Окружающие горные хребты и степи не только сформировали кочевой образ жизни тувинцев, но и помогли им выстроить собственную картину мира. Горная преграда, отделяющая Туву от "внешнего мира", способствовала укоренению в сознании и мироощущении жителей республики чувства общности. Сегодня здесь живут представители разных национальностей. Но между наиболее многочисленными народами — тувинцами и русскими — до сих пор сохраняется социокультурная дистанция [Анайбанидр. 1999].

Чувство обособленности подкрепляется памятью о недавнем историческом опыте собственной государственности. К идее государства с независимой централизованной властью Тува пришла лишь в начале XX в. С середины XVIII в. до 1911 г. она входила в состав Маньчжурской империи. После ее падения Тува (в то время Урянхайский край) перешла в 1914 г. под протекторат России, но фактически оставалась самостоятельной территорией. В 1921 г. здесь была провозглашена Танну-Тувинская Народная Республика (ТНР). В 1944 г. она последней вошла в СССР - на правах автономии в составе РСФСР.

У этой обособленности есть и положительная сторона — она позволяет сохранять, "консервировать" уникальные черты тувинской идентичности, сформировавшиеся, в том числе, под влиянием резко-континентального климата. Наличие на одной территории разнообразных природных зон позволяет говорить о множестве локальных "мы", которые, в отличие от знаменитых антиномий — противоположностей в русском национальном характере, обусловленных природой (о чем писал Н.Бердяев [Бердяев 1990]), не противоположны друг другу, а находятся в сложном взаимодействии.

49

Одна из главных ценностей тувинской культуры — групповая, родовая принадлежность, родовое "мы", почти не дающее развиваться индивидуальному "я". Идентификация незнакомых друг другу тувинцев происходит по маркерам "кто твой отец, мать?", "из какого они района?". Большие семейные сходки созываются с благословения и с обязательным присутствием старших членов рода. Вместе с тем родовая солидарность нередко сопрягается со сложными взаимоотношениями между родственниками.

В понятие "мы" включается и окружающий мир, малая родина, с которой невероятно трудно расставаться. Поэтому миграция тувинцев как внутри республики, так и за ее пределы незначительна.

Тувинцы — люди кочевой культуры, ощущающие себя частью одной экосистемы, которая обеспечивает себя сама, для которой малейшие изменения, привнесенные извне, могут оказаться губительными. Тибетский буддизм, укрепившийся в Туве с XVIII в., обращает местное население к внутреннему миру и небу, к вечности. Тувинцы тяготеют к буддизму, почитают Далай-ламу, но при этом остаются шаманистами. Пастбища, озера, степи, горы, деревья, курганы для них живые, одушевленные. Тувинский язык, один из древнейших тюркских языков, роднит тувинцев с культурой воинственных древних тюрков, приближая к современному тюркскому куль-

турному миру, ныне преимущественно мусульманскому, и отдавая от монгольского — буддийского — мира. Заметим, что подобной культурной разнонаправленности™ нет у других российских монголоязычных буддистов — бурят, калмыков.

Политическую культуру Тувы отличают разноплановость и самобытность. Рассмотрим характерные черты этой культуры, в частности, отношение тувинцев к власти, особенности их политического поведения и ценностных ориентации.

* *

В массовом сознании тувинцев власть не ассоциируется с какой-либо одной фамилией, родом. Подобное неперсонифицированное отношение к власти уходит корнями во времена правления местных князей, которые по уровню богатства сравнительно поздно выделились из общего рода. Соперничество проявляется и на уровне родов, и на уровне кожуунов (районов). Критическое отношение к власти, в том числе к разбухшему чиновничьему аппарату, соседствует с глубоко укоренившимися традициями подчинения начальству (особенно в сельских районах).

Традиции послушания и подчинения — важнейшая черта политической культуры тувинцев.

50 Послушание в тувинских семьях воспитывалось с раннего детства. Авторитет старших членов семьи (рода) был непререкаем для младших, которые им беспрекословно повиновались [Кужугет 2006: 138-146]. Обычаи, традиции, подкрепленные религиозными представлениями и запретами, воспринимались как данность и передавались из поколения в поколение.

С развитием тувинского общества появилось социальное расслоение: одни члены племени сосредоточили в своих руках контроль над ресурсами других, над внутренним и внешним обменом (торговлей), другие оказались в подчинении у разбогатевших соплеменников. Возникавшее недовольство подавлялось силой оружия. Чувство послушания, и так присущее тувинцам, вбивалось в них методами прямого насилия. При этом власть утверждалась, опираясь на традицию.

Во времена правления маньчжурских династий в Туве развивались и укреплялись феодальные отношения. Всеи землей владела Пинская династия императорского Китая. Отдельные административные территории (хошуны — впоследствии кожууны) передавались местным князьям (нойонам) в наследственное владение (тем не менее их могли отобрать и передать другим). Местные правители распоряжались также кочевьями и рабочим скотом. Власть постепенно приобретала персонифицированный характер: подчиняться нужно было уже не просто далекому правителю, а конкретному человеку, могущественному нойону, который помыкал своими "вассалами" как хотел.

Действиями большинства кочевых богачей-начальников еще со времен противостояния Великой Степи и китайской цивилизации руководила привычка, мода, страсть к обогащению [Крадин 2002: 92]. Та же привычка была и у тувинских князей. Это вело к ослаблению организационного начала в сообществе, к внутренним распрям. Маньчжурские правители достаточно умело

использовали в своих целях особенности политической культуры тувинцев. Они полностью подчинили себе население, "привязав" его к территориям, манипулировали местными князьями, возвышая одних и принижая других, не давая обществу сплотиться. Политическая жизнь Тувы полностью зависела от насильственных действий завоевателей, которые, однако, не вмешивались в традиционную культуру.

На протяжении XIX в. и даже в начале XX в. в тувинском обществе наряду с феодальными сохранялись и родоплеменные, патриархальные отношения. Блюстителем родовых обычаев выступали пожилые, наиболее уважаемые, опытные и знающие представители рода. Следование их советам было обязательным. Тем не менее вопросы охоты, рыболовства, ведения хозяйства решались коллективно — на общем собрании взрослых членов семей (родов)¹. Глава общины назначал время перекочевки аала (поселения) на сезонные пастбища, определял сроки посева и т.п., только посоветовавшись с другими членами аала. У каждого общинника были обязанности и права, в том числе на собственное мнение, на часть добычи, на помощь. На поддержку могли рассчитывать и дети, и немощные старики.

Таким образом, в повседневной жизни семьи/рода/племени утвердилась **традиция равноправия** — еще одна важная составляющая политической культуры тувинцев. Чисто родовое деление, правда, уже утратило свою актуальность. Ныне чаще упоминается кожуунная (см. пояснение выше), локально-земляческая принадлежность.

Традиционным, по М.Веберу, считается такой тип господства, при котором население убеждено в священности власти своих правителей, в их божественном происхождении. На этой основе вырастали монархические режимы. Но для кочевников такое отношение к власти нехарактерно. Как отмечал специалист пономадам Н.Крадин, правитель кочевой империи не мог быть только "Сыном Бога", взирающим из дворца на своих подданных [Крадин 2002:119]. Он должен был принимать активное участие в их повседневной жизни, разделяя с ними проблемы и тревоги повседневной жизни. В отношении локальных кочевых культур этот вывод как нельзя более верен.

Богатые князья тувинских кочевников всегда жили среди простых людей, пользовались теми же дарами природы, что и остальные, их юрты отличались лишь цветом, размерами и внутренним убранством. Также как и подвластные им простые кочевники нойоны были подвержены болезням, призывали шаманов, лам, поклонялись духам. Этим объясняется рационализм политического поведения тувинцев, проявившийся как в начале XX в., так и в начале XXI в. Тувинцы никогда не обожествляли своих начальников и не приписывали им сверхъестественных качеств. На таком "приземленном" отношении к власти во многом и строится соперничество родов и их представителей, столь характерное для тувинского общества [Монгуш 2005: 278]. Логика здесь такова: если начальник — такой же человек, как и все, то его место

¹ Рудименты первобытного коллективизма можно наблюдать и в современной Туве. Даже в условиях города после разделки барана принято созывать родственников на совместную трапезу, делиться мясом. Каждый тувинец вправе ожидать помощи от "большой" семьи (членов рода) в случае потери в его "малой" нуклеарной семье (смерть одного из членов и пр.). Неоказание такой помощи - предмет порицания со стороны окружающих.

вполне может занять более достойный, например, я сам или мой родственник (при нем и я не пропаду).

Советская власть попыталась вписать экономику Тувы в единую народно-хозяйственную систему страны. Серьезным трансформациям подверглось и тувинское общество. Соперничество родов и кожуунов на время отошло на второй план. Востребованными оказались только отношения господства и подчинения, которые подкреплялись декларируемыми ценностями равенства и братства, вполне понятными тувинцам-общинникам.

В постсоветский период ситуация в республике осложнилась. Радикальные реформы 1990-х годов привели к анархическому переделу власти и собственности. В тувинском обществе произошла реархаизация, возродилось соперничество кожуунов и их лидеров. Поначалу демократические идеи, партийные программы и лозунги (например, о возрождении "свободной Тувы" и т.п.) увлекали массы, отражали их интересы. Однако вскоре деятельность политических группировок вышла из-под контроля центральной власти, перестала определяться и народным волеизъявлением. Вместо народа изъявлять свою волю стали политики. В избирательных кампаниях в ход пошли новые технологии воздействия на избирателей, в разных комбинациях разыгрывались не только материальные средства, голоса, но и судьбы сторонников и противников группировок.

52 Партийная принадлежность того или иного политика уже не имела для тувинцев какого-либо значения. Определяющими стали локальные идентификационные маркеры "свой-чужой". Местные отделения общероссийских политических партий приобрели тувинский "окрас". Политическое противоборство воспринималось как противоборство представителей не политических партий, а земляческих групп (кланов).

В период либерализации показатели электоральной активности населения Тувы были более высокими на фоне других республик. Но уже тогда этносоциологи предупреждали, что впечатляющие цифры не должны никого вводить в заблуждение, поскольку общество просто не может реально демократизироваться в столь короткие сроки [Анайбан и др. 1999: 79]. Постоянством политических предпочтений тувинские избиратели также не отличались.

Со второй половины 1990-х годов избирательная активность тувинцев, особенно жителей городов, стала неуклонно снижаться. В то же время в сельских районах, которые этносоциологи называют "этнографическим хранилищем" [там же: 39], по-прежнему фиксировались высокие показатели явки. Несмотря на драматичные события XX века, устройство и административный статус тувинского села остались весьма архаичными. Здесь на выборы идут все. Предвыборная агитация проходит по обкатанному сценарию, с участием артистов. Альтернативность выборов довольно условна: люди по традиции голосуют за действующих начальников, причем наибольшие шансы на успех имеют кандидаты-выходцы из этих мест.

Если же кандидат "чужой", избиратели могут оказаться менее "послушными". Это особенно характерно для столицы Тувы Кызыла, где прожива-

ет треть всех избирателей республики. Столичные жители явно устали от псевдадемократических выборов, бесконечных политических дразг и "черных" избирательных технологий. Их больше привлекают те, кто рубит с плеча, плюет на условности и способен пойти наперекор всем. Яркий пример — "прогестное" избрание мэром Кызыла в 1998 г. члена ЛДПР А.Кашина. Он публично ругал действующую власть, озвучивая "кухонное" роптание горожан, подчеркивал свою дистанцированность от клановых, земляческих группировок и тем самым импонировал многим, прежде всего, представителям некоренной национальности. В 2002 г. именно в Кызыле была зафиксирована наименьшая явка по республике — менее 50%.

В октябре 2006 г. на выборах в Законодательную палату Великого Хурала столкнулись две основные политические группировки. Одна из них, во главе с руководителем республики Ш.Ооржаком, представляла советский номенклатурный клан, другая — постсоветских политиков-выходцев из среды "разночинцев", которые сами, без поддержки системы, пробивали себе дорогу. Действуя по принципу "не важно, как проголосовали, важно, как подсчитали", власть признала результаты голосования в тех округах, где побеждали представители оппозиции, недействительными. В марте 2007 г. возмущенные политики объявили голодовку, что стало кульминацией продолжавшегося несколько месяцев парламентского кризиса. Однако силы были не равны. Решительно настроенные оппозиционеры вполне могли проиграть этот бой с «засидевшейся властью», использующей против них объединенный «административный ресурс». Новая генерация политиков Тувы не смогла одолеть извечный дух соперничества в собственных рядах. В результате самостоятельно разрешить проблему противостояния власти им не удалось. Политологи всерьез заговорили о возможности установления внешнего управления в регионе. Об этом, похоже, задумалась и федеральная власть. Но в итоге ставка вновь была сделана (не без протекции знаменитого выходца из Тувы министра по чрезвычайным ситуациям РФ С.Шойгу) на местного политика — первого вице-премьера правительства республики Ш.Кара-оола. С момента его назначения председателем республиканского правительства, его команда получила возможность самостоятельно определять пути выхода Тувы из кризиса.

53

Получив нового начальника по рекомендации "сверху", тувинское общество в первое время вздохнуло с облегчением. Глава есть, он — тувинец, житель Тувы. Его поддерживает Москва и, что не менее важно, "свой" участник большой российской политики — С.Шойгу. Да и стиль деятельности политических лидеров Тувы за век не претерпел больших изменений и продолжает определяться особенностями традиционной политической культуры и тувинской идентичности.

В 2001 г. Р.Туровский писал, что в современной Туве наблюдается *приходской тип* политической культуры (по терминологии Г.Алмонда и С.Вербы), когда политические роли не отделены от экономических и религиозных, люди имеют смутное представление о политике, индифферентны к ней. Совершенно другой тип — *культуры участия*, когда члены общества четко ориентированы на систему в целом, — характерен для Москвы [Туровский 2001:154]. Это политико-культурное различие и определяет, по мнению исследователя, раз-

ницу в социальном развитии этих двух российских регионов — одного из самых депрессивных и одного из самых модернизированных.

Однако, на наш взгляд, характеристика политической культуры тувинцев как "приходской" справедлива только для Тувы дореволюционного, досоветского периода [Даргын-оол 2003:8-21]. Для современного этапа развития региона она представляется весьма условной, поскольку нивелирует этапы трансформации общества в XX в. В настоящее время речь может идти о смешанном типе с доминированием элементов "приходской" культуры. По своему составу тувинская политическая культура скорее близка постсоветской российской культуре, оцениваемой в целом как "пассивная" [Рукавишников и др. 1998:191-192].

Абаев Н.В. 2006. *Цивилизационная геополитика и этнокультурные традиции народов Центральной Азии и Алтай-Байкальского региона*. Кызыл.

Анайбан З.В., Губогло М.Н., Козлов М.С. 1999. *Формирование этнополитической ситуации*. Т. 1. Очерки по истории постсоветской Тувы. М.

Бердяев Н.А. 1990. *Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности*. М.

Бочаров В.В. 2007. *Антропология власти. Хрестоматия по политической антропологии*. В 2 т. / Сост. и отв. ред. В.В.Бочаров. Т. 2. Политическая культура и политические процессы. СПб.

Губогло М.Н. 2003. *Идентификация идентичности*. М.

Даргын-оол Ч.К. 2003. К вопросу о периодизации истории Тувы. - *Тюркология*, № 5-6.

Крадин Н.Н. 2002. Структура власти в кочевых империях. - *Кочевая альтернатива социальной эволюции*. М.

54

Кужугет АК 2006. *Духовная культура тувинцев. Структура и трансформация*. Кемерово.

Моллеров Н.А. 2005. *История советско-тувинских отношений (1917-1944 гг.)*. М.

Монгуш М.В. 2005. *Тувинцы России, Монголии и Китая: этнические и этнокультурные процессы, современная идентичность*. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. М.

Москаленко Н.П. 2004. *Этнополитическая история Тувы в XX веке*. М.

Ондар Н.А. 2001. *Тува — полноправный субъект Российской Федерации: история и современность*. М.

Рукавишников В.О., Халман Л., Эстер П. 1998. *Политические культуры и социальные изменения: международные сравнения*. М.

Туоровский Р.Ф. 2001. Основы и перспективы региональных политических исследований. - *Полис*, № 1.

Фельдман В.Р. 1998. Политическая власть в истории Тувы. - *Круг знания*. Вып. 1. Кызыл.

Хомушку О.М. 1998. *Религия в истории культуры тувинцев*. М.

Статья подготовлена в рамках проекта "Клановость в политической жизни регионов России (на примере Тувы)", осуществляемого при поддержке РГНФ (грант № 07-03-00020а).